

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

ИНДИВИДУАЛИЗМ VERSUS ХОЛИЗМ: О ПОПЫТКЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ДУАЛИЗМА

И. Шубрт

Факультет гуманитарных исследований
Карлов университет
У Криже 8, Прага 5, Чехия, 158 00

Статья посвящена ключевой теоретической дилемме современной социологии: дуализму индивидуалистического и холистического подходов. Одной из наиболее известных попыток преодоления данного дуализма является теория структуризации Энтони Гидденса, а наряду с ней концепция критического реализма Роя Бхаскара и Маргарет Арчер. Их усилия сосредоточены на взаимном сближении индивидуалистического и холистического подходов, а также на чередовании (альтернации) обеих позиций в рамках одной объяснительной модели. Автор статьи полагает, что данная проблема может быть решена только в том случае, если обе точки зрения «объединяются» в теоретическом изложении, которое покажет, что понятия, употребляемые нами в социологической теории — агент, действие и структура, имеют по своей сути дуалистическую природу, т.е. являются «дуплексами».

Ключевые слова: социологическая теория, индивидуализм, холизм, теоретическая дилемма, дуализм, теория структуризации, критический реализм.

Сегодняшняя ситуация в социологической теории — сложная и достаточно запутанная. Это обусловлено во многом тем, что теоретическое мышление в социологии с самого начала формировалось на основе диаметрально противоположных предпосылок, результатом чего оказывается повторное воспроизведение определенных дилемм, в которые упираются и все сегодняшние попытки теоретизирования в данной области. В последующем тексте мы хотели бы сосредоточить внимание на одной из подобных дилемм.

Индивидуализм — холизм и другие теоретические дихотомии

Теоретическая дилемма, которой мы хотим заняться в этой статье, в научной литературе имеет различные терминологические обозначения. Брайан Фей в книге «Современная философия социальных наук» противопоставляет атомизм и холизм. Согласно атомизму каждый индивид представляет собой самобытную единицу социальной жизни, наделенную способностью «управлять своими действиями

на основе своих убеждений и желаний» [13. S. 45]. Атомисты понимают общество как совокупность индивидов, и в то же самое время считают, что социальные целостности конвертируются в действия индивидов, образующих их. Фей связывает атомизм с убеждением в «фундаментальной сингулярности индивидов», о которых думают, что «будто бы тем, чем они являются, они были бы независимо от своих отношений с другими людьми» [13. S. 46]. Основателем философии атомизма он считает Томаса Гоббса, а в социальных науках XX в. эту точку зрения отчетливо представляет, например, Фридрих фон Хайек (1).

Противоположностью атомизма является холизм, который Фей характеризует как доктрину, «согласно которой свойства индивидов являются исключительно функцией их места в обществе, либо в некоей широкой системе смыслов» [13. S. 67]. Согласно холизму за основу социальных теорий всегда необходимо брать социальные целостности, а не их отдельных представителей. Холизм не допускает возможности, чтобы теории, касающиеся социальных целостностей, редуцировались или превращались в теории об индивидах. Для социальных наук ключевой фигурой холизма является Эмиль Дюркгейм, а в качестве более современной версии холизма Фей рассматривает, прежде всего, структурализм (К. Леви-Стросс, М. Фуко и др.).

Описываемая Феем оппозиция имеет ряд аспектов, которые можно выразить в форме следующих взаимосвязанных дуализмов. О трех из них в своей книге «Понимание социальной теории» говорит Дерек Лейдер [22. P. 3]. Это дуализмы «индивид — общество», «микро — макро» и «действие — структура». Дистинкция «индивидуальный — социальный», которую автор считает самой давней и одновременно самой стабильной дилеммой социологического мышления, в принципе соответствует оппозиции «атомизм — холизм», о которой говорит Фей. Лейдер отмечает: нельзя ставить индивида в строгую оппозицию к обществу просто потому, что многие потребности и мотивации, влияющие на конкретных человеческих индивидов, образуются социальной средой общества, в котором и живут люди. Иными словами, не существует общества без индивидов, его образующих, и вместе с тем не существует индивидов, которые могли бы жить вне влияния общества [22. P. 3].

Перечень трех дуализмов, предложенный Лейдером, необходимо дополнить еще одним, который уходит своими корнями в далекое прошлое, так как берет истоки в средневековой схоластической философии. Речь идет об оппозиции номинализма и реализма. В приложении к социологическому мышлению понятие «реализм» выражает предположение, что объекты, обозначенные общими понятиями, как, например, социальный класс, объединение, общество или общественное мнение, являются реально существующими. Номинализм, наоборот, такие понятия считает просто названиями, которые обозначают определенные интеллектуальные конструкции, а не что-то, что имеет свою самостоятельную реальную экзистенцию. Собственно говоря, в реальности согласно номиналистам существуют только конкретные индивиды и их индивидуальные действия. В истории социологического мышления номиналистическая позиция традиционно связывается с М. Вебером, реалистическая — с Э. Дюркгеймом.

Джеймс Коулмен, занимавшийся проблематикой взаимоотношений между микро- и макроуровнями социальной жизни, констатирует, что значительная часть социальной теории и социальных исследований — а это, прежде всего, касается Дюркгейма и его последователей — основывается исключительно на изучении отношений на макросоциальном уровне. Этот подход автор обозначает как методологический холизм, противопоставляя его методологическому индивидуализму, закрепленному в теории действия [6] (2). Социологическую теорию Коулмен рассматривает с двух точек зрения: первая касается предмета изложения, вторая — метода. Что касается предмета, Коулмен видит главную задачу социологии в объяснении социальных феноменов, а не в объяснении способов поведения отдельных лиц. Однако в отношении метода он занимает другую позицию: как сторонник методологического индивидуализма, направленного на объяснение устройства социальных систем на основе анализа индивидуального действия [7], Коулмен считает, что объяснение на уровне индивидуального действия является «более фундаментальным» и дает возможность более глубокого «понимания» в отличие от объяснения на уровне системы.

Проблематикой отношений между микро- и макросоциологией долгое время занимался Рэндалл Коллинз. Микросоциологию он характеризует как детальный анализ того, «о чем люди думают... что говорят и что делают». И наоборот, макросоциологию он понимает как область социологии, которая занимается «масштабными и долговременными социальными процессами»; эти процессы часто бывают поняты как некие «самосохраняющиеся объекты», речь идет, например, о таких понятиях, как «государство», «организация», «слои», «экономика», «культура» или «общество» [9. Р. 984]. В своей книге «Теоретическая социология» [8] Коллинз выделяет макротеории, микротеории и мезотеории. К макротеориям он относит: эволюционизм, теорию систем, политэкономию (марксизм), теории конфликта, социальных изменений и стратификации. К микротеориям он причисляет концепцию человеческого Я (Self), интеракционизм, социальный конструктивизм, структурализм, социолингвистику и теорию социального обмена. В качестве мезотеорий Коллинз определяет теории структуризации Э. Гидденса и коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теорию сетей и теорию организации (3). В своей собственной концепции Коллинз приходит к тому, что обостренное понимание дуализма микро- и макроструктуры де-факто является обманчивым, поскольку макроструктуры с микросоциологической точки зрения можно рассматривать как агрегаты микроситуаций; иначе говоря, макрофеномены можно преподносить как связанные «микрособытия» [9. Р. 987—990].

Проблемы, касающиеся отношений между микро- и макроуровнями, а также между субъективным и объективным, в современной социологической теории часто бывают связаны еще с одним дуализмом, а именно дуализмом действия и структуры. Данные понятия для многих современных авторов представляют некую концептуальную основу, на которой должна быть построена социальная теория. Действие и структура часто характеризуются как «субъективная» и «объективная» стороны социальной действительности. Субъективная сторона связана

с индивидами, их субъективными качествами и индивидуальными действиями; объективная сторона — с существованием социальных структур, которые имеют объективный характер и являются относительно независимыми от индивидуальной воли и действий их отдельных участников. Энтони Кинг к этому добавляет: «действие относится к деятельности... обычно оно обозначает действия индивидов или групп индивидов». Структура, напротив, «обозначает регулярные, относительно стабильные, объективные и всеобщие черты социальной жизни»; данное понятие обычно «относится к социальным институтам или «системам», «силам» или же «течениям»» [21. S. 291]. Вероятно, наиболее известной попыткой преодолеть дуализм действия и структуры, а одновременно и другие дилеммы, о которых мы упоминали, является теория структуриации Энтони Гидденса, а также сформулированная параллельно и близкая к ней концепция критического реализма Роя Бхаскара и Маргарет Арчер.

Гидденс так же, как до него Т. Парсонс, стремится к заложению теоретических основ социальных наук. Опыт Парсонса по объединению «волонтаристической» теории действия и структурно-функциональной теории социального порядка Гидденс не считает успешным. Наоборот, он полагает, что у Парсонса пропасть между действием и структурой остается непреодоленной.

Теоретическое мышление Гидденса основано на критике подхода Парсонса. Он критикует парсонсианский функционализм как отживший свое (4), но вместе с тем признает, что о проблемах, которые были подняты в социологии функционалистами, так просто забыть нельзя. Гидденс считает, что понятие функции не следует применять в социологии, но допускает, что многие, кто критиковал функционализм, впадали в субъективизм; это касается, например, феноменологии. В области анализа институтов и широкой шкалы социальных процессов, по мнению Гидденса, функционализм выглядит сильнее, чем феноменологическая социология. Поэтому Гидденс приходит к заключению, что если мы хотим отказаться от функционализма, то мы должны подходить к проблеме несколько иначе, нежели феноменологическая социология.

Гидденс стремится преодолеть функционализм посредством теории структуриации, которая постепенно выкристаллизовывалась в его творчестве на протяжении 1970-х и первой половины 1980-х гг. Она сформулирована, главным образом, в книгах «Новые правила социологического метода» [17] и «Центральные проблемы социальной теории» [15]. Идеи, заключенные в них, Гидденс впоследствии развил в труде «Устройство общества» [1]. По структуре и замыслу эта третья книга иногда сравнивается с «Теорией коммуникативного действия» Хабермаса [18]. Так же, как и у Хабермаса, у Гидденса речь идет о реформулировании социальной теории и о преодолении определенных ограничивающих ее развитие традиций. Целью, заявленной в данной концепции, является объединение действия и структуры, а попутно и преодоление взаимных разногласий между микро- и макротеорией. Ключевыми понятиями здесь становятся «действие» и «структура», а основным вопросом — то, как максимально сблизить данные понятия друг с другом.

Традиционный социологический дуализм, представленный понятиями «действие» и «структура», по мнению Гидденса, должен быть заменен принципом двойственности. Структура является не противоположностью действия, а его другим измерением. Действие и структуру следует рассматривать во взаимосвязи, а не в качестве отдельных проблем. Общественные структуры как таковые не противопоставлены действиям их индивидуальных участников, а непосредственно входят в них; и наоборот, действиями участников образуются структуры. Гидденс называет это двойственностью действия и структуры, или же только двойственностью структуры. Дуализм индивида и общества в его теории заменен на двойственность действия и структуры [16. S. 215], или двойственность структуры (5).

Теория дуальности структуры утверждает, что структуры социальной системы являются как посредником, так одновременно и результатом социальной деятельности [16. S. 77]. Понятия структура и деятельность обозначают аналитически различные обстоятельства факта структурированных систем поведения. Сами структуры не существуют как самостоятельные феномены пространственного и временного характера, но лишь в форме действий и практики человеческих личностей. Структура становится реальной только в конкретных реализациях практического структурирования социальных систем [16. S. 290]. Индивиды принимают структуры в свои действия, а структуры придают этим действиям определенную уверенность и непрерывность. С одной стороны, структура ограничивает деятельность, но, с другой, делает ее возможной. Без структур мы были бы постоянно дезориентированными а, следовательно, и беспомощными при решении задач нашей каждодневной жизни. Структуры в то же время создают границы нашей деятельности.

Примером того, что является предпосылкой и средством, а одновременно и результатом социального действия, по мнению Гидденса, является человеческая речь: отдельные речевые акты могут возникать только в рамках абстрактной совокупности речевых правил, но вместе с тем в данных речевых актах постоянно воспроизводится речь как абстрактная совокупность правил. Если я произношу предложение, это является определенным проявлением моего действия, которое непреднамеренно влечет за собой сохранение жизнеспособности системы речи, ее репродукцию [25. S. 175].

На решение сходных задач направлена и реалистическая теория (6), предложенная Роем Бхаскаром и Маргарет Арчер. Бхаскар характеризует свою концепцию как «трансформационную модель социального действия» и констатирует, что она совместима с концепцией Гидденса (7). Согласно трансформационной модели Бхаскара общество «состоит из структуры и действий. Структура предшествует индивидуальной деятельности, но она может быть репродуктивна и трансформирована посредством индивидуальных действий. Индивиды сопоставляются с социальной структурой, которая, хотя их и ограничивает, но, в конечном счете, определяет их. Индивиды могут манипулировать со структурой, могут заново интерпретировать свою ситуацию, и таким образом, создавать новые формы деятельности. Таким образом, индивиды способны изменять социальную структуру» [21. S. 306].

Маргарет Арчер, развивая мысли Бхаскара, рассуждает о так называемом «морфогенетическом подходе» [4] (8). Этот подход основан на двух основных предпосылках: 1) «структура неизбежно предшествует деятельности, которая ее изменяет», 2) «развитие структуры неизбежно следует за деятельностью» [2. S. 9]; иначе говоря: процесс деятельности зависит от структуры, и в то же время, наоборот, структура зависит от деятельности.

Попытки Гидденса соединить индивидуалистический и холистический подход основаны на том, что в своем теоретическом изложении он поочередно меняет исходную точку интерпретации и пытается объяснить теоретические вопросы тем, что попеременно рассматривает их с обеих позиций — индивидуалистической и холистической. Автор «как будто» говорит, что на первом этапе необходимо занять индивидуалистическую позицию, т.к. именно индивиды своими действиями создают социальную структуру. Однако на втором этапе необходимо занять холистическую позицию, потому как готовые структуры оказывают влияние на последующие индивидуальные действия. На третьем этапе мы возвращаемся к индивидуалистической перспективе, т.к. индивиды, как констатирует Гидденс, способны своими действиями не только репродуцировать, но и модифицировать, изменять существующие структуры. С подобной точкой зрения мы встречаемся и в рамках социального реализма у Бхаскара и Арчер. И они используют метод попеременного чередования указанных противоположных позиций, однако в отличие от Гидденса, считающего главной отправной точкой деятельность, здесь этим отправным пунктом является объективное существование структур.

Хотя Гидденс, Бхаскар и Арчер в вопросе раскрытия взаимоотношения действия и структуры избирают стратегию наиболее тесного сближения обоих феноменов, тем не менее, успешность данных попыток была в ряде дискуссий поставлена под сомнение. Именно по этой причине имеет смысл рассуждать о возможных альтернативах. Проблему, о которой здесь идет речь, с нашей точки зрения, невозможно решить ни чередованием индивидуалистической и холистической перспектив, ни попытками тесного сближения действия и структуры. В предлагаемом нами решении мы в определенной степени отталкивались от концепции «*homo duplex*» Эмиля Дюркгейма [12; 10]. Стратегия, которую мы выбираем, не является переводом дуализма действия и структуры на дуальность, как это делает Гидденс, а попыткой применения ко всем основным понятиям (индивидуум, действие и структура) перспективы, которая обозначена в названной концепции Дюркгейма. Иначе говоря, по нашему мнению, необходимо, чтобы обе перспективы не столько приблизились друг к другу максимально, сколько «сплавились» в теоретической интерпретации, показывающей, что понятия, с которыми мы работаем в социологической теории (индивидуум, действие и структура), по своей природе дуалистичны, т.е. являются «дуплексными».

Человек двойственный — *homo duplex*

Эмиль Дюркгейм констатирует, что человеческое существо по своей природе раздвоено внутренне противоречивым образом [11. S. 17]. В разных местах своих трудов он характеризует данное раздвоение различными способами, однако смысл

этой характеристики сохраняется. Дюркгейм, ссылаясь на традиционный дуализм, противопоставляющий тело и душу, говорит об «изначальной двойственности человеческой природы» [11. S. 17], о раздвоении человека на существо физическое и существо социальное. В каждом из нас существуют два сознания, два аспекта психической жизни — личный и неличный. Наше физическое тело, с одной стороны, является источником наших неутрачиваемых желаний и мечтаний, нашего эгоизма. Наша социализированная сущность, с другой стороны, является результатом действия общества, которое существует и посредством нас действует, а также контролирует и замедляет проявления нашего эгоизма посредством принятых моральных канонов.

К подобному заключению приходили многие мыслители — и до Дюркгейма, и после него. Традицию дуалистического мышления в философии мы можем проследить от Античности — через Декарта — вплоть до наших дней. На раздвоенность человеческой природы обращал внимание Огюст Конт, говоривший об оппозиции между эгоизмом и альтруизмом. Эгоизм, согласно Конту, стимулирует человеческие действия и заряжает их энергией, альтруизм дисциплинирует их и дает им желательное для общества направление [20. S. 75]. По мнению Георга Зиммеля, человек является двояким существом с отчетливо амбивалентной природой [23]. В эссе «Мост и дверь» он описывает состояние человеческого существа, одна часть которого направляется вне себя, ориентируется вовне, притягивается обществом, союзом с другими людьми; в то время как вторая часть является целым миром сама для себя и грезит об автономии, независимости и дистанции от других людей [26. S. 1—7]. Джордж Герберт Мид характеризует человеческое «Я» — «Self» как противоречивое единство двух составляющих «I» и «Me». «I» — это индивидуальный, субъективный компонент, который является активным и творческим. «Me» — это объективный компонент, сформированный, прежде всего, теми установками, которые сложились внутри социальной группы или общества, к которому принадлежит индивид.

Дюркгейм задается вопросом о причине дуализма человеческой природы и приходит к выводу, что эта антиномия «по сути, соответствует тому двойному существованию, которое мы одновременно ведем». Одна часть нашего существования является сугубо индивидуальной и уходит корнями в нашу телесность. Другая часть является социальной, и мы представляем в ней «лишь продолжение общества» [11. S. 30]. Общество, согласно классику, при этом имеет «свою собственную природу, а, следовательно, и запросы, полностью отличающиеся от тех, которые заключены в нашей индивидуальной природе. Интересы целого не обязаны совпадать с интересами его частей. Поэтому общество не может ни возникать, ни сохраняться таким образом, чтобы не требовать от нас постоянных жертв, которые для нас являются тяжелыми. И только тем, что оно превосходит нас, оно принуждает нас преодолевать самих себя. А преодоление самого себя для каждого существа в какой-то мере означает обнажение его сущности, которое не может происходить без большего или меньшего напряжения» [11. S. 31].

Дюркгейм объединил в своих взглядах на человека две точки зрения, которые обычно заявляют о себе по отдельности. Точка зрения, согласно которой индивид

рассматривается как уникальное существо, наделенное собственным «эго», индивидуальными склонностями и волей, встречается скорее в некоторых гуманитарных дисциплинах и философии. Точка зрения, согласно которой он рассматривается как социализированное существо, характерна для социологического мышления. Впрочем, и сам Дюркгейм, и все его творчество являются характерным свидетельством этого. Автор хотя и говорит о двух составляющих человеческой природы, однако в своей социологической концепции эту первую составляющую он целиком программно игнорирует и в свои теоретические и методологические рассуждения почти не включает. Со времен Дюркгейма в общей социологии был разработан целый ряд понятий, в которых удалось зафиксировать социальные качества индивидов, но к теоретическому охвату их индивидуальных сторон эта наука пока терминологически не готова. Если в социологии мы говорим об индивиде, мы чаще всего употребляем такие выражения, как статус, роль или габитус (9), то есть понятия, которые обозначают только ту (другую) — общественную, или социализированную, сторону человеческого существа.

Если мы попытаемся определенным образом продолжить мысли Дюркгейма в духе его концепции «*homo duplex*», то это будет означать, что мы также хотим возобновить и актуализировать то, что сам Дюркгейм в своей теории потерял из виду — последовательное применение дуалистического взгляда на человека к понятию индивида и всем остальным ключевым концептам социологической науки. Дюркгейм в определенной степени выражается при помощи понятий и представлений, которые в той или иной степени устарели и могут с сегодняшней точки зрения показаться анахронизмом. Мы не пытаемся «оправдать» каждое отдельное утверждение классика, но лишь хотим использовать то наиболее важное, что, с нашей точки зрения, осталось актуальным до теперешнего дня, и что именно является той основополагающей идеей внутренней двоякости — «*homo duplex*». Именно эту идею мы хотели бы перенять и попытаться ее развить, но не строго в том смысле и контексте, с которыми работает французский социолог. Скорее, мы понимаем данную идею как некое «вдохновение», которое могло бы на нас повлиять и при решении тех вопросов, которые Дюркгейм сам не поднимал (10). Мы считаем, что в случае принятия данной идеи мы могли бы от нее далее последовательно развивать рассуждения о характере действий, интеракций и структур, которые можно рассматривать под призмой «дуплекса».

В индивидуалистических концепциях действие обычно понимают как односторонний акт, который исходит от индивида и в большинстве случаев ориентирован так, чтобы действовать на что-либо или кого-либо в окружающей среде. С диалектической точки зрения данная проблема является более сложной, т.к. уже в самом этом акте с самого начала помимо действующего индивида существует и другая сторона, а именно та самая окружающая среда, на которую в ее отдельных проявлениях индивидуум пытается воздействовать. То, что индивид начинает действовать, приводит его к убеждению в релевантности окружающего мира (независимо от того, относится ли он к нему положительно или отрицательно). Каждый акт действия, которым индивид хочет достичь чего-нибудь в этом мире, по сути дела одновременно является и утверждением смысла самого акта. Если индивид

действует — словами Вебера — целерационально, он осознает релевантность цели, намечающейся в этом мире, хотя пока только как возможность; если индивид действует ценностно-рационально или традиционно, он утверждает ценности и традиции, в той или иной степени принятые в данной социальной среде, позволяет им на себя воздействовать и попутно таким путем воспроизводит их. Таким образом, общество влияет на человека посредством его же собственного действия (из-за того, что действующий признает деньги, власть, социальные институты или ценности, с которыми он в своем действии, грубо говоря, связан), а вместе с тем посредством этого же действия оно влияет само на себя, на свое воспроизводство и изменения.

Человек, движимый собственной индивидуальной волей, защищает свои личные (как бы сказал Дюркгейм, эгоистические) интересы и намерения. В то же время данную деятельность можно по двум причинам рассматривать как социальную: во-первых, она ориентирована на других индивидов, т.е. должна считаться с окружающей социальной средой, ее правилами и ожиданиями. Во-вторых, данная деятельность в той или иной мере репродуцирует структуральные образцы, которые, с точки зрения теории структуризации, являются для действия опорой и ограничением одновременно. Действующий индивид не мог бы быть членом общества, если бы не прошел через процесс социализации и не освоил бы определенные общественные принципы, но вместе с тем он в своем действии должен постоянно делать выбор и принимать определенные решения, которые часто зависят не только от общественной ситуации, но и от его сугубо индивидуальных способностей, интересов и предпочтений. Обе составляющие, — индивидуальная и общественная, — взаимосвязаны в человеческих действиях, поддерживают и обуславливают друг друга (11).

На данном этапе мы могли бы различить эти два компонента действия при помощи понятий «волюнтаризма» и «социальности». Волюнтаризм означает, что ключевой в деятельности является индивидуальная воля или интерес действующего, которые являются важным двигателем его поведения. Социальность означает, что деятельность является средством, через которое общество создает, репродуцирует и модифицирует само себя и поддерживает свою континуальность во времени. Обе данные составляющие взаимно обуславливают друг друга и в том смысле, что одна другую лимитирует в той мере, в которой они могут воздействовать на конкретное действие (12). В существующих теоретических концепциях волюнтаризм часто связывается с вопросами мотивации и выбора, а социальность рассматривается как проблема ожидаемого действия, связанная, в первую очередь, с концептом социальной роли. Теоретически указанные составляющие можно различить, но на практике это затруднительно, так как в рамках действия они многократно пересекаются.

Благодаря тому, что действия одних индивидов обращены к другим индивидам, между ними возникает взаимодействие, т.е. интеракция. Данные взаимодействия могут иметь разную форму и интенсивность — от мимолетных контактов до прочных, стабильных отношений. Специфические интересы и цели объединяют

взаимодействующих индивидов в определенные интеракционные конфигурации, в которых, вопреки всевозможным специфическим чертам и различиям, можно найти многочисленные общие принципы, позволяющие нам рассуждать об определенных типических формах, в которых это взаимодействие происходит (таких как, например, кооперация, конкуренция, оппозиция, конфликт и т.п.).

Большинство социологов, занимающихся вопросами интеракции, развивают концепции, выделяющиеся одной общей чертой: если говорить с натяжкой, предпосылкой теоретических размышлений этих авторов обычно является мысль о том, что индивиды существуют как индивиды со всеми своими самобытными характеристиками только до того момента, пока они не начнут осуществлять социальное действие и интеракцию друг с другом. В тот момент, когда индивиды вступают в социальное взаимодействие, они — с точки зрения социологии — словно изменяются внутренне, теряют свои специфические индивидуальные свойства и становятся абстрактными, взаимозаменяемыми представителями социальных типов, ролей и институтов, лишены всяких субъективных черт. Очевидно, что хотя в обобщающей социологической перспективе мир социальных интеракций теряет свою красочность и индивидуальную специфику, на самом деле все это в нем сохраняется. Ведь это — только социология, которая проявляет по отношению к миру особую методологическую «слепоту», вызванную стремлением игнорировать индивидуальные аспекты как нечто единичное и несущественное и отражать лишь то, что в социуме имеет общую силу. Иными словами, в социологии наличествует тенденция рассматривать человеческих индивидов как заменимые «детали» общественного «агрегата».

Итак, остается вопрос: что может в данной связи предложить концепция, которая исходит из перспективы «дуплекса» (двойственности). Интеракция, теоретически описываемая с этой позиции, представляется как взаимоотношения двух или более индивидов, а значит, человеческих «Я», каждое из которых имеет свою индивидуальную и социальную составляющую. Отдельные действия этих индивидов опять же имеют двойственный характер; в каждом из них можно обнаружить определенную долю волонтаризма, а заодно и социальности. В упрощенной модельной форме это можно выразить следующим образом: во взаимной интеракции соотносятся друг с другом индивид А и индивид В, каждый из которых представляет для другого alter ego и признает, что другой — так же, как и он сам — имеет свои особенности и склонности и в своих действиях преследует личные интересы и цели, но одновременно он, как представитель определенной роли или института, также вынужден в той или иной мере соблюдать определенные общие структурные правила, предписания и образцы поведения. На индивидуальном уровне здесь подразумевается взаимная «конфронтация» двух личностей, на социальном — вопрос о воспроизведении ролевых образцов и институциональных правил. Как индивидуальная, так и социальная составляющая личности обоих участников и их действий могут представлять в рамках социальной интеракции факторы «фасилитирующего» или «ингибирующего» характера, которые могут проявляться в большом количестве различных комбинаций друг с другом.

Проблема структур с точки зрения двойственности (дуплекса)

Проблема предыдущих размышлений на тему структур, с нашей точки зрения, заключается, прежде всего, в том, что обычно структуры по отношению к действиям понимают как нечто одноуровневое. Мы считаем, что более адекватное представление о функционировании социальных систем можно получить, если представить себе их как многоуровневые, сложенные из нескольких слоев, — когда отдельные слои структур примыкают друг к другу и влияют друг на друга. В противоположность имеющимся представлениям мы попытаемся доказать, что и здесь можно применить перспективу, с которой на данные структуры можно смотреть как на «структуры дуплексного типа».

Будет полезно также упомянуть о том, что Гидденс иллюстрирует взаимосвязь между структурой и действием на примере отношений между «языком» и «речью», который он перенимает из лингвистики. «Язык» в его примере представляет структуру, «речь» — действие. Гидденс указывает на то, что действие («речь») возможно только благодаря тому, что существует структура («язык»), которая для него является и опорой, и ограничением. В то же самое время он утверждает, что структура («язык») может поддерживать свое существование только благодаря тому, что она вновь и вновь воспроизводится в отдельных многократных актах действия («речи»). Насчет данного примера можно заметить, что отношения «языка» и «речи» можно было бы использовать в качестве иллюстрации и по-иному, а именно для примера существования двух структурных уровней. На первом, всеобщем уровне мы встречаемся со структурой языка, на втором — можем идентифицировать и анализировать структуры речи.

Для социологических рассуждений о структурах характерно то, что социальная реальность в них понимается как реальность, лишенная каких-либо индивидуальных качеств и сведенная лишь к общим и коллективным понятиям, образцам и правилам. С точки зрения стремления к получению обобщающего научного знания, такая стратегия совершенно понятна, тем не менее, ее нельзя употреблять в некоем модельно чистом виде во всех гуманитарных и социальных дисциплинах. Типичным примером здесь является история, которая в своих толкованиях не может удовлетвориться тем, что будет описывать только общие исторические тенденции, а должна уметь внести в свое видение жизни общества также действия конкретных исторических личностей с их значением и влиянием. Приблизиться к решению данной проблемы, по нашему мнению, можно, если попытаться и на вопрос структур взглянуть через призму концепции «дуплекса».

С данной точки зрения можно смотреть на социальные структуры как на два уровня структуральных правил. На первом уровне речь идет об общих правилах, которые определяют основные социальные институты, а в их рамках — ролевые позиции и ролевое поведение. На втором уровне существуют специфические правила, возникающие в рамках конкретных групп, у которых появляются определенные «ожидания», формирующиеся на базе индивидуальных диспозиций их членов. Это — правила, о которых каким-либо образом «условились» в рамках данных групп, или которые были внушены силой или властью.

Для иллюстрации предложенного подхода возьмем простой пример — ядерную семью как типичный социальный институт и первичную социальную группу. Если мы рассуждаем о семье как об институте, мы обращаем внимание на общие правила, которые определяют содержание основных ролей (мать, отец, ребенок), или которые — если принимать функциональный подход — устанавливают содержание основных функций (репродуктивной, защитной, эмоциональной, экономической, воспитательной), выполняемых данной структурной единицей. Но в том случае, если мы сосредоточиваемся на конкретной семье, которую рассматриваем как малую социальную группу, тогда наше внимание может быть обращено и на другие уровни правил, изначально имеющих свой специфический характер и согласованных или установленных на основе конкретных качеств, predispositions и возможностей отдельных членов семьи (например, правила насчет того, кому забирать ребенка из школы, кому косить газон или выгуливать собаку). В приведенном примере мы можем увидеть, что институциональные правила будто бы диктуются обществом, в то время как правила функционирования конкретной группы в той или иной мере исходят из индивидуальных качеств ее членов. На практике оба типа правил взаимосвязаны друг с другом, взаимодополняют друг друга, и категорически отделить их друг от друга сложно.

Примеров, в которых демонстрируется многоуровневый характер общественных структур, существует множество. Данный опыт можно хорошо проиллюстрировать на примере спортивного состязания, которое проходит в соответствии с определенными правилами, и в то же время само состязание далее разделено на стратегии и способности, которые применяют во время его проведения отдельные команды и их игроки. Подобным способом можно рассуждать о функционировании различных типов социальных групп, организаций и общественных систем. Например, в области политики, системы, которые в целом можно назвать демократическими, т.к. в них применяются демократические правила правления, могут отличаться в конкретных формах своих проявлений — как по части различных процедурных правил, так и в том, каким именно образом применяют свою власть представители ведущих политических партий.

Ни в коем случае мы не хотим отрицать того, что социальные системы способны к саморегуляции. Наиболее убедительно эту способность показывает экономическая система, располагающая саморегуляционным механизмом, который уже давным-давно Адам Смит обозначил выражением «невидимая рука рынка». Однако именно кризисное развитие этой системы в последнее время отчетливо говорит нам, что то, что в ней реально происходит, является не только результатом воздействия неких стихийных сверхиндивидуальных сил и системных механизмов, но и результатом усилий многих человеческих участников, особенно тех, кто в роли банковских топ-менеджеров принимал фатально ошибочные экономические решения, которые, как оказалось, имели глобальные последствия.

Для существовавших до сих пор теоретических рассуждений в большинстве случаев характерно то, что влияние на формирование социальной реальности «присуждается» индивидам только на микросоциальном уровне, — где его много изучают, в особенности при помощи подходов социального конструктивизма. Тем

не менее, явно игнорируется вопрос, могут ли вообще и каким образом индивиды проявлять свою деятельность и на макросоциальном уровне. На этот факт обращает внимание Никос Музелис, констатирующий, что данную проблему нельзя успешно разрешить, если мы в достаточной мере не примем во внимание то, как иерархически организовано наше общество, и какую роль в рамках данной иерархии играют так называемые «макро-агенты» [24. Р. 20]. Опять же именно идея «структур дуплекс», на наш взгляд, расчищает пути к решению этого теоретического вопроса.

Одной из проблем, на которую у современной социологической теории нет ответа (и даже нет потребности его искать), является вопрос, каким образом индивиды могут влиять на макроуровень общественных структур и процессов. И хотя проблеме индивидов как творцов социальной реальности (в особенности благодаря социальному конструктивизму) в современной социологии отводится важное место, обычно внимание сосредоточивается лишь на незначительных анонимных субъектах и на их занятиях в повседневной жизни, рассматриваемой на микросоциальном уровне. Когда же социология рассматривает явления на макросоциальном уровне, она, по сути, не способна рассуждать иначе, чем функционалистским образом. Парадоксально это происходит у Гидденса, вербально отвергающего функционализм, но в своих трудах, посвященных актуальным явлениям позднего модерна, неосознанно в него впадающего.

Вопрос о влиянии конкретных индивидов на целое общество является вполне обычным и легитимным для исторических наук. Социология же этот вопрос «из принципа» игнорирует. Проще говоря, можно утверждать, что в течение долгих лет мы являемся свидетелями того, что в то время, как у истории просматривается тенденция смотреть на общественные процессы как на творение выдающихся исторических личностей, в социологии, напротив, присутствует тенденция смотреть на эти процессы как на проявление сверхиндивидуальных общественных целостностей, структур и сил, или же социальных систем и их функций. Если не принимать во внимание современные направления исторических исследований, ориентированных на социальную историю или историю повседневности, можно констатировать, что для традиционно воспринимаемой истории прошлое является, прежде всего, цепочкой деяний великих людей. Социология, наоборот, — и это относится и к современной исторической социологии, — видит в прошлом, прежде всего, процессы социальных изменений, проходящих на уровне культуры, цивилизации и отдельных форм человеческого сосуществования или «общественных формаций». Иначе говоря, в исторических науках более важную роль играет индивидуалистический подход, а в исторической социологии, напротив, — подход холистический.

Оставим в стороне вопросы методологии исторических наук (пусть их ставят и решают сами историки) и рассмотрим проблему объяснения, которое способна выдвинуть социология, или историческая социология. Очевидно, что на ряд тем, — главным образом, если речь идет об общих тенденциях в развитии культуры, цивилизации или современности, — можно вполне адекватно смотреть именно с холи-

стической перспективы, и при этом не придавать особого значения роли великих исторических личностей. Тем не менее, существуют и другие научные вопросы, в которых значение этих личностей нельзя полностью игнорировать. Например, в случае чешской социологии речь идет об анализе эпохи коммунистической власти, переворота 1989 г. и последовавшего за ним периода трансформации. Объяснять данный этап в развитии общества лишь движением анонимных масс или динамикой общих тенденций и не придавать значения тем, кто были вождями и «архитекторами» общественных перемен, было бы неправильно. Индивидуальный элемент всегда играет в обществе определенную роль, именно благодаря этому социальное развитие и характер общественной жизни приобретает свои специфические черты. И благодаря этому в социальной реальности появляются новые, неожиданные явления, из-за чего бывает так сложно прогнозировать развитие общества. Социологии, тем не менее, все еще недостает адекватного теоретико-методологического инструментария для изучения проблематики таких «макроагентов».

Концептуальный аппарат, которым в этом плане распоряжается социология, берет начало у ее основателей. Напомним, что Макс Вебер разработал концепцию идеальных типов легитимности власти (харизматического, традиционного, легального), Вильфредо Парето сформулировал теорию элит, Роберт Михельс сосредоточил свое внимание на партийных лидерах. Эти и производные от них, более новые подходы обычно ориентируются на то, чтобы идентифицировать индивидов, находящихся в верхах социальных иерархий, как определенный социальный тип или группу и одновременно постичь те их социальные характеристики, которые с социологической точки зрения можно считать основными, определяющими и вместе с тем дифференцирующими. Чего данным подходам не хватает, так это объяснения тех механизмов, благодаря которым действия этих индивидов могут отражаться на формировании социальных макроструктур.

С нашей точки зрения, именно идея «структур дуплекс» могла бы определенным образом помочь объяснить данную проблему. Предлагаемое ей объяснение состоит в гипотезе, что в данном случае речь идет о таких индивидах, которые благодаря своему социальному статусу (элитному или монопольному положению) имеют возможность оказывать влияние на социальные макроструктуры таким образом, что они способны добавить к уровням общих макроструктуральных правил еще один специфический уровень правил. Эти правила являются отражением их особенных качеств, свойств их поведения, видений, представлений, желаний, открытий, а также, возможно, их ограниченности, патологических наклонностей, извращенных идей или отклонений. Данные качества позднее благодаря власти и влиянию своих носителей находят применение в общественном масштабе. Таким образом, можно подойти к объяснению, как говорил в свое время Г.В. Плеханов, «роли личности в истории» — как в позитивных, так и в негативных случаях; приблизиться к пониманию влияния великих исторических личностей, а также, к примеру, тиранов и диктаторов.

Итак, в данной статье мы попытались показать, что решение традиционной теоретической дилеммы, представленной оппозицией индивидуалистического и холистического подходов, предлагается концепцией, в какой-то мере вдохновленной дюркгеймовским понятием «*homo duplex*» — «человека двойственного». Дюркгейм понимал человеческую природу как внутренне противоречивую, как антагонистическое единство эгоизма и социальности. В связи с этим мы пытаемся показать, что такими же внутренне противоположными являются все концепты, с которыми приходится сталкиваться в структурационной теории, т.е. не только концепт индивида (агента), но и концепты действия, интеракции и структуры. В каждом из них, как было показано, мы можем обнаружить составляющую, которая имеет индивидуальную природу, и составляющую, которая имеет социальную природу. Разумеется, удельный вес этих составляющих распределяется в конкретных случаях по-разному.

Что касается индивида (агента), в аспекте «двойственности» («*duplex*») здесь делается акцент на двойности человеческого «Я», а значит, на субъективности индивидуального Эго и объективном измерении социализированного существа. В связи с этим далее можно рассматривать индивидуальное действие как противоречивое единство волюнтаризма и социальности. Интеракции, возникающие в результате социального действия, представляют собой взаимодействие человеческих существ, в которое они вступают со своими индивидуальными намерениями и целями, но вместе с тем посредством которого они участвуют в воспроизведении всеобщих ролевых образцов и институтов. Социальные группы и объединения образуются и воспроизводятся за счет действий конкретных индивидов и поэтому несут характерные черты их индивидуальных склонностей и достижений, но в то же самое время эти действия ведут к воспроизведению и поддержанию всеобщих институциональных правил. Таким образом, и структуры функционируют как многоуровневые слои правил. Некоторые из них образованы аутопойетическими системными процессами, в то время как другие являются более или менее преднамеренным результатом деятельности конкретных участников. Очевидно, что индивид и общество с этой точки зрения не являются действительными противоположностями. В каждом индивиде присутствует общество, а в каждом обществе присутствуют индивиды. Как действия, так и структуры имеют объективный и субъективный характер.

Мы полагаем, что, по сути, вся социальная действительность, которая является предметом социологического исследования, должна рассматриваться одновременно с обеих точек зрения, взятых в их единстве. Теория, набросок которой мы попытались представить, исходит из того, что на отдельные явления социальной жизни всегда можно смотреть с обеих точек зрения одновременно, т.е. с точки зрения индивидуальной и социальной. Указанные точки зрения являются не только комплементарными, но и внутренне взаимообусловленными, а изложение, которое ведется с позиции только одной из них, всегда и неизбежно является односторонним и недостаточным. Поэтому мы предлагаем такой подход к формулированию теоретических концептов, который будет отражать эту двойность, а также показы-

вать, что к каждой исследуемой проблеме можно подходить с обеих точек зрения одновременно. Если мы примем данное предположение, то индивидуальному (единичному) действию уже не будут противопоставляться сверхиндивидуальные (всеобщие) социальные структуры и системы, а все эти концепты будут обрисованы так, что в каждом из них всегда будет своя индивидуальная и своя сверхиндивидуальная (всеобщая, коллективная) составляющая, и они будут находиться во взаимном соответствии с остальными категориями, установленными аналогичным образом. Преимущество подобного подхода, по нашему мнению, заключается в том, что с его помощью можно вполне удовлетворительно разрешить традиционное противоречие между индивидом и обществом, которое Гидденс преподнес в форме двойственности действия и структуры. Если мы посмотрим на эту проблему через призму концепта «двойственности» («дуплекса»), то не будут противопоставляться индивидуальная воля индивида и сверхличностная структура общества, а будут противопоставляться два соответствующих друг другу объекта, у каждого из которых есть свои индивидуальная и социальная составляющие, хотя и, разумеется, представленные в них в различной степени и объеме.

Подход, о котором идет речь, представляет собой пока лишь набор теоретических гипотез. Мы не думаем, что от такого подхода можно ожидать разрешения всех проблем, связанных с вопросом дуальности действия и структуры. С другой стороны, мы считаем, что речь идет о перспективе, которую имеет смысл далее развивать. Тем не менее, даже если бы в будущем получилось разрешить проблему дуальности действия и структуры более убедительным образом, чем тот, который предлагает теория структуризации Гидденса, все равно это, очевидно, не привело бы к отказу ни от индивидуалистических, ни от холистических позиций. Причиной этого является тот простой факт, что социальная реальность является поликонтекстуальной, а конкретные события, происходящие в ней, можно рассматривать с разных точек зрения — в индивидуалистической, холистической или же той перспективе, которая пытается соединить и преодолеть индивидуализм и холизм. В конкретном случае решение, несомненно, будет зависеть от того, какой подход при изучении определенного социального явления окажется более продуктивным и убедительным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В качестве примера атомистических взглядов Фей приводит цитату из работы Хайека «Индивидуализм и экономический порядок» (1949), в которой говорится: «Социальные явления нельзя понять иначе как через понимание индивидуальных действий, которые направлены на других людей и руководствуются ожидаемым от них поведением» [13. S. 46].
- (2) Добавим, что понятие «методологический индивидуализм» в принципе соответствует концепции, которую Фей называет «атомизмом»; методологический холизм, в свою очередь, соотносится с характеристикой, которую Фей дает холизму.
- (3) По поводу того, какие темы или теории должны быть отнесены к отдельным уровням социологического исследования, не существует единого мнения. Об этом свидетельствует одна из последних попыток классификации теории на микро-, мезо- и макроуровни, представленная в книге «Современная социологическая теория: интегрированный многоуров-

новый подход», автором которой является Дойл Пол Джонсон [19]. Классификация Джонсона в некоторых отношениях отличается от подхода Коллинза. С микроуровнем этот автор связывает проблемы символического интеракционизма, феноменологии, социального обмена и рационального выбора; с мезоуровнем — теорию общностей, теорию организаций, теорию рынка и социально-экономических классов; с макроуровнем — теорию социального порядка, структурный функционализм, неофункционализм, теорию конфликта и критическую теорию. Более того, Джонсон также говорит о многоуровневых подходах, к которым относит феминистскую теорию, теорию структуризации, социобиологию, «культуральную» социологию и постмодернизм.

- (4) Гидденс определяет функционализм как тип доктрины, в которой считается, что общество, или социальная система, имеет потребности. Гидденс возражает этой доктрине по нескольким основаниям: 1) из-за акцента на потребностях системы функционалисты не способны рассматривать человеческие существа в качестве ее разумно мыслящих участников, которые по большей части отдают себе отчет в том, что делают; 2) у системы нет потребностей, потребности есть у людей. Руководствуясь функционалистским подходом, нельзя в полной мере ни описать, ни объяснить социальную систему [14. Р. 90]. Возражения Гидденса связаны с тем, что в функционалистской теории неадекватно понимается человеческое действие — в том смысле, который данный термин должен иметь в реконструированной социальной теории [14. Р. 91]. И хотя понятие «действие» фигурирует (главным образом, под влиянием М. Вебера) в концепции Парсонса, Гидденс не считает этот структурно-функционалистский концепт действия достаточным и адекватным. Он упрекает Парсонса в том, что в его теории не понята роль человеческих участников как существ, которые своим действием продуцируют и репродуцируют социальные институты, а через это и всю социальную систему. В этом плане Гидденс противопоставляет Парсонсу Ирвинга Гофмана, у которого находит концепт действующих человеческих существ как квалифицированных и знающих агентов, которые используют — с определенным умением — свои знания для создания и воспроизведения социальных связей. Согласно Гидденсу, данный концепт в социальной теории имеет центральное значение.
- (5) По мнению М. Арчер, существует четыре дуализма [3. Р. 456], которые обнаруживаются в теоретических дискуссиях, и с которыми стремится справиться Гидденс: дуализм между субъектом и объектом, объяснением и пониманием, волюнтаризмом и детерминизмом, статикой и динамикой. Стратегия Гидденса заключается в том, что он преподносит данные дуализмы как двойственности.
- (6) Согласно реалистической теории, составными частями общественной реальности являются феномены, структуры и институции, которые невозможно просто редуцировать к человеческим индивидам, их сознанию и индивидуальным действиям. Данные сверхиндивидуальные сущности нельзя рассматривать номиналистическим образом, необходимо объяснять их с реалистической позиции, т. к. они реально существуют.
- (7) Бхаскар различает четыре модельных решения отношений индивида и общества. В рамках первой модели, которая приписывается Веберу, общество создает индивид и его (волюнтаристические) действия. Во второй модели, восходящей к Дюркгейму, как раз наоборот, общество «детерминирует» индивида и его действия. Бхаскара не устраивают данные две модели точно так же, как его не устраивает и третья, диалектическая модель, которую можно проиллюстрировать на примере подхода П. Бергера и Т. Лукмана. Они пытаются решить проблему так, что постулируют попеременное определяющее влияние индивида на общество, а также общества на индивида (индивиды создают общество, а оно, в свою очередь, формирует их самих во взаимном диалектическом процессе). Наперекор этим трем моделям Бхаскар вводит свой (четвертый) вариант, который он называет «трансформационной моделью социальной деятельности» (*the transformational model of social activity*). В нем предполагается, что общество обладает логическим и временным пре-

- имуществом перед каждым индивидом, и поэтому неправильно говорить, что люди «создают» общество. Более адекватно утверждать, что люди репродуцируют или трансформируют заранее данные формы и практики. Общество не может существовать независимо от сознательной человеческой деятельности, но нельзя утверждать, что оно просто является ее творением [5. P. 10—13].
- (8) Морфогенетический подход подчеркивает, что повторяющиеся социальные действия приводят к формированию определенных образцов или форм [4. P. 5]. Данный подход ориентируется на изучение вопроса, каким образом участники репродуцируют (морфостаз) или изменяют (морфогенез) социальные структуры, и в то же время сами поддаются влиянию и формируются [2. S. 9].
 - (9) Следует упомянуть, что понятие «габитус» популяризовал Пьер Бурдьё, у которого мы также находим еще одно близкое понятие — «вкус». Оба этих слова в его социологии не представляют — как это, возможно, могло показаться на первый взгляд — какие-либо индивидуальные характеристики, а как раз наоборот, представляют характеристики социальные, выражающие свойства определенных социальных групп и классов.
 - (10) По этой причине в данном тексте мы не занимаемся изучением ни специфического контекста религии и морали, из которого исходит концепция «*homo duplex*» у Дюркгейма, ни комментирующей литературы, которая ориентируется на данную проблематику.
 - (11) В качестве примера, который близок такому понятию действия, можно привести Марксов экономический анализ «двойственного» характера труда — труда конкретного (являющегося выражением индивидуальных способностей изготовителя) и труда абстрактного (являющегося выражением участия индивида в процессе общественного разделения труда).
 - (12) С историко-культурной точки зрения можно предположить, что пропорции между волюнтаризмом и социальностью могут отличаться в разных типах обществ и социальных групп. Примером может послужить избрание спутника жизни. В традиционном обществе его выбирают родители или родственники; при этом они часто должны принимать во внимание самые различные правила. В современном мире каждый индивид обычно выбирает себе спутника сам, часто руководствуясь крайне субъективными соображениями и чувствами.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. — М.: Академический Проект, 2003.
- [2] Archer M. S. Lze najít pojítka mezi vysvětlením a porozuměním? // Sociologický časopis. — 2008. — Vol. 44. — No. 1.
- [3] Archer M.S. Morphogenesis vs. Structuration // British Journal of Sociology. — 1982. — Vol. 33.
- [4] Archer M.S. Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. — Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- [5] Bhaskar R. On the Possibility of Social Scientific Knowledge and the Limits of Naturalism // Journal for the Theory of Social Behavior. — 1978. — Vol. 8.
- [6] Coleman J.S. Social Theory, Social Research and a Theory of Action // American Journal of Sociology. — 1986. — Vol. 91. — No. 6.
- [7] Coleman J.S. Foundations of Social Theory. — Cambridge (MA): The Belknap Press of Harvard University Press, 1994.
- [8] Collins R. Theoretical Sociology. — San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1988.
- [9] Collins R. On the Microfoundations of Macrosociology // American Journal of Sociology. — 1981. — Vol. 86. — No. 5.
- [10] Durkheim E. La dualisme de la nature humaine et ses conditions sociales // Scientia. — 1914. — Vol. XV.

- [11] *Durkheim E.* Dualismus lidské přirozenosti a její společenské podmínky // *Antropologie, sociologie, historie. Cahiers du CEFRES.* — 1995. — No. 8.
- [12] *Durkheim E.* Le problème religieux et la dualité de la nature humaine // *Bulletin de la Société Française de la Philosophie.* — 1913. — Vol. XIII.
- [13] *Fay B.* Současná filosofie sociálních věd: Multikulturní přístup. — Praha: Sociologické nakladatelství, 2002.
- [14] *Giddens A.* Time and Space in Social Theory // *Lebenswelt und soziale Probleme / Ed. by J. Matthes.* — Frankfurt a. M.: Campus, 1981.
- [15] *Giddens A.* Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. — Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1979.
- [16] *Giddens A.* Die Konstitution der Gesellschaft. Grundzüge einer Theorie der Strukturierung. — Frankfurt a. M. — N.Y.: Campus, 1988.
- [17] *Giddens A.* New Rules of Sociological Method. — L.: Hutchinson, 1976.
- [18] *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. — B. 1—2. — Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1981.
- [19] *Johnson D.P.* Contemporary Sociological Theory: An Integrated Multi-Level Approach. — N.Y.: Springer, 2008.
- [20] *Keller J.* Dějiny klasické sociologie. — Praha: Sociologické nakladatelství, 2004.
- [21] *King A.* Struktura a jednání // Harrington A. (et al.) *Moderní sociální teorie: Základní témata a myšlenkové proudy.* — Praha: Portál, 2006.
- [22] *Layder D.* Understanding Social Theory. — L.: Sage, 2004.
- [23] *Mahlmann R.* Homo Duplex: Die Zweiheit des Menschen bei Georg Simmel. — Würzburg: Königshausen + Neumann, 1983.
- [24] *Mouzelis N.* Sociological Theory: What Went Wrong? — L.; N.Y.: Routledge, 2006.
- [25] *Müller H.-P.* Sozialstruktur und Lebensstile: Der neuere theoretische Diskurs über soziale Ungleichheit. — Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992.
- [26] *Simmel G.* Brücke und Tür: Essay der Philosophen zur Geschichte, Religion, Kunst und Gesellschaft. — Stuttgart: K.F. Koehler, 1957.

INDIVIDUALISM VERSUS HOLISM: AN ATTEMPT TO OVERCOME THEORETICAL DUALISM

J. Šubrt

Faculty of the Humanities
Charles University

U Kříže 8, Prague 5, Czech Republic, 158 00

The article deals with one of the key theoretical dilemmas of contemporary sociology: the dualism of the individualistic and holistic approaches. One of the most famous attempts to overcome this dualism is Anthony Giddens' structuring theory, alongside with the conception of critical realism of Roy Bhaskar and Margaret Archer. Their efforts are focused on bringing together the individualistic and holistic approaches, as well as on the alternation of both perspectives within a single explanatory model. The author of this article believes that this problem can be solved exclusively if both perspectives are "blended" in their theoretical explanation demonstrating that the concepts which we use in sociological theory — the actor, action, and structure — are inherently dualistic, in other words, they are "duplexes".

Key words: sociological theory, individualism, holism, a theoretical dilemma, dualism, the theory of structuring, critical realism.